

18+

КОРНИ И ВЕТВИ

ЕЛЕНА ЛОБАНОВА

Елена Лобанова

Корни и ветви

«Издательские решения»

Лобанова Е. А.

Корни и ветви / Е. А. Лобанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675363-1

Сборник «Корни и ветви» — это тексты о семье, любви, утрате и поиске опоры. Здесь переплетаются проза и стихи, автобиографичность и вымысел. Некоторые рассказы написаны от чужого лица, охватывают разные взгляды и судьбы. Тексты разнообразны по жанрам: от лирики и реализма до комедии и сатиры. Это книга о корнях, которые держат, и ветвях, что растут и тянутся к свету.

ISBN 978-5-00-675363-1

© Лобанова Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	7
Старый дом	8
Жареная картошка	9
Остановка Байконур	11
Ход вещей	12
Бессонница	13
Комедия дель арте	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Корни и ветви

Елена Альбертовна Лобанова

© Елена Альбертовна Лобанова, 2025

ISBN 978-5-0067-5363-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Посвящается моей семье

В феврале 2022 года я открыла домашний архив и достала старую фотографию. Снимок был сделан в 1940 году, ещё до войны. Летним днём, на фоне загородного дома, на ступеньках сидит моя прабабушка Роза. Рядом стоит бабушка Клара со своими детьми – моей мамой и дядей Лёвой. Мама – совсем маленькая, ей лет семь или восемь, на ней смешная шапочка. Дядя Лёва стоит рядом с велосипедом.

Я поставила фотографию на свой рабочий стол и чем бы я ни занималась, невольно встречалась взглядом с женщинами своей семьи. Их присутствие напоминало мне о необходимости бороться с силами, жить дальше, сохранить себя и близких.

Через год я прочитала пост о технике написания текстов, которая работает, как терапия. До этого я не писала прозу, изредка – стихи.

Я начала писать тексты. Результатом этих занятий стал этот небольшой сборник. Все тексты – это домашние задания, которые я выполняла по мере появления жизненного материала. Признаюсь, я не была прилежной ученицей и иногда вместо одного задания писала о совершенно другом. Погружаясь в процесс, временами я испытывала настоящий творческий подъём – то удивительное состояние, когда текст словно рождается сам. Это ощущение вовлечённости в творчество стало для меня большой психологической поддержкой.

Я писала прежде всего для себя, чтобы вновь почувствовать себя живой и значимой. А добрые отклики немногочисленных читателей стали для меня неожиданной и ценной наградой. Большинство текстов посвящены моей семье и близким друзьям.

Благодарности

Благодарю Елену Чарник за занятия, которые помогли мне выразить на бумаге свои чувства и лучше понять саму себя. Спасибо моему мужу Кириллу Кириллову, который всегда был первым читателем и терпеливо исправлял мои бесконечные ошибки. Особая благодарность моей невестке Ане Лобановой, которая помогла расставить рассказы в нужном порядке и выступила профессиональным редактором этого сборника.

Старый дом

Дом стоит, как корабль, потерпевший крушение.
Ты, как аквалангист, ныряешь в его нутро и выносишь книгу –
«Бегущая по волнам».
Тут, говоришь, был яблоневый сад, а тут огород,
И бабушка кричала из окна: «Кирюша иди кушать!».

Дом смог пережить войну, когда по полу ходили солдаты
со свастикой.
Он смог пережить смерть хозяев,
Но не смог пережить нашего безразличия,
Когда все уехали и бросили его, даже не похоронив.

Он хранит ваши детские сны, страхи и мечты,
Он хранит старые книги и резиновые сапоги,
Он ждёт вас.
Когда вы вернетесь и проводите его в другой мир своими руками.

Жареная картошка

Будничное утро проходит на автомате. Звонит будильник – возвращается сознание, мозг включается и гонит меня на работу. Ни пробежки, ни зарядки, ни поваляться – ничего не успеешь, говорит он мне. Ладно, оделась, умылась, нарисовала лицо, глоток горячего чая – и всё.

На улице начинается квест: поиск машины. Она всегда в разных местах. Нашла, села, поехала. Ехать полчаса, можно сделать что-то полезное. Полезное – это, например, позвонить бабушке. Бабушка не моя, но настоящая. Настоящая – это значит, бабушке 87 лет. Она одинока и скучает. Утром ждёт звонка.

Иногда совсем не хочется ни с кем разговаривать, едешь молча, даже радио не включаешь. Как будто телом едешь, а головой ещё спишь. А разговор – это уже усилие: надо хотя бы голос бодрым сделать, слушать, что-то отвечать. Но сегодня я, как говорят, «в ресурсе». Звоню.

– Привет, бабушка.

– Здравствуй, Ляля.

– Как дела, как спалось?

– (Смеётся.) Какие у меня дела... Плохо спала, как обычно. Четыре часа – и проснулась, всё болит. Мы же вчера с Серёжей на дачу ездили.

– Здорово! А что там на даче?

– Ах, на даче хорошо. Только дел тьма, а делать-то некому. Серёжа пытался то за одно схватиться, то за другое... В итоге только дом протопили и всё.

– А цветочки ваши вылезли?

– Вылезли. Но, боюсь, всё помёрзнет скоро. Жалко их... Но всё равно на даче хорошо. Мы на обед картошку пожарили, чай пили с вареньем – нашли под столом прошлогоднее, сливовое.

– А что ещё там, на даче?

– Вишня твоя, что ты посадила, зиму пережила. Скоро будем варенье варить. Я, конечно, уже не поем, зато вам достанется. Парник мой совсем развалился, но Олежа обещал починить. Не знаю, как справится: материалов почти не осталось. Наверное, так и буду теперь без парника...

– Отлично, бабушка, уже столько планов на лето!

– Какие у меня планы... До лета палкой не докинуть. Я и не доживу, наверное. Но если доживу, надо сливу у колодца спилить, от неё всё равно толку нет. А смородину надо пересадить поближе к солнцу. Только кто это делать будет? Никому же не надо...

– Ну как не надо! Надо. Придумаем что-нибудь. А что сегодня будете делать?

– Да нет у меня никаких дел... Вот борщ хотела сварить, а морковки нет. Вчера в магазине была, забыла совсем. Придётся идти. Но не знаю, как буду себя чувствовать. А борщ без морковки – это и не борщ вовсе. Ладно тебе, какой интерес меня слушать... Ты на работу едешь?

– Да, еду.

– Ну тогда хорошего тебе дня.

– И вам хорошего борща! – говорю и кладу трубку.

И в голове крутится: жареная картошка, морковка... И так от этого хорошо и тепло настоящему. И варенье нашли, сливовое. Вот бы так и жить: жарить картошку, варить борщ... Как все люди.

А сейчас поднимусь на лифте, и начнётся. Буду целый день решать чужие вопросы. И ни морковки... Ни картошки... Ни борща.

Остановка Байконур

Поезд шёл по степи, останавливался на станциях и снова набирал ход. Смотреть в окно было скучно, пейзаж не менялся. Люди заходили и выходили. Разговаривали тихо, на верхней полке спала девушка. Я ходил между купе и вагоном-рестораном. За окном степь, да степь и стук колес, ничего не происходило, хотелось поскорее доехать.

Байконур – закрытый город, на въезд нужен пропуск. Когда-то это правило работало, но сейчас в город можно попасть просто туристом, по приглашению. Я нашёл компанию и купил пропуск. Историческое место, но во мне оно не находит отклика. В детстве никогда не хотел быть космонавтом. Это мечта поколения моих дедушек. Я хотел быть директором завода игрушек, а стал видеооператором – ролики снимаю и монтирую. Диплом писал по аэросъемке, обожал летать. Собирал и разбираал дроны, учился ими управлять. Летал, снимал сверху видео и фото, ландшафты и концерты. Под Воркутой снимал прокладку газовой трубы, наводнение снимал и строительство завода. Первые дроны запускал на детской площадке, народ сбегался посмотреть – и дети, и взрослые. Летающие устройства всегда вызывали восторг, но тогда они ещё не летели в окна домов и не взрывались. Было другое время. Тогда мы с женой жили в Питере, а теперь в Алматы.

Во времена расцвета в Байконур приезжали по железной дороге: кто за славой, кто за деньгами, кто по распределению. Строили город, строили ракеты, кипела жизнь, шло соревнование, кто первый – Штаты или СССР. Соревнование давно закончилось, а противостояние – нет. Оказался я в Алматы как раз из-за этого противостояния, заложенного давно, никуда не пропавшего. Сейчас я приехал в Байконур, в налоговую РФ, не за славой, в каком-то смысле за деньгами, получить потерянную цифровую подпись. РФ арендует город у Казахстана до 2050 года и внутри есть налоговая. На мою жизнь хватит аренды, для продления электронной подписи. В Алматы я чувствую себя если не в безопасности, то хотя бы не под прицелом. А работать можно и удалённо.

Казахстан – большая территория, есть где укрыться. Сюда ссылали в 30-е годы в Карлаг, сюда эвакуировали заводы во время Великой Отечественной войны, а после войны спасались здесь от лагерей. Внутри страны остались разные поколения переселенцев, и мы теперь с ними.

Приехал на станцию, вынесли пропуск. Прошёл паспортный контроль, таможеню, ещё один пункт охраны – все неприветливые, злые, помещения обшарпанные, контролёры уставшие, неопрятные. Вошёл в город. Нашёл гостиницу: большое некрасивое здание, длинные пустые коридоры, кажется, что я тут один, как в фильме ужасов. Проснулся и сразу в налоговую пошёл. В налоговой такие же сотрудницы, как и в Питере: усталые, расплывшиеся и плохо одетые, будто их специально подбирают для унылой и неинтересной работы. Взяли паспорт, ничего не спрашивали, быстро записали мне файл. Проверил – работает. На радостях заглянул в ГИБДД, спросил, как восстановить водительские права. Они, естественно, спросили про повестки и воинский учет; запросил список документов, поблагодарил, и пошёл в музей. В музее выставлены муляжи ракет, консервы и скафандры – всё очень старое, все экспонаты годов 80-х, как будто время остановилось.

В этом городе я особенно сильно чувствую этот разлад между иллюзией и реальностью. Советский образцовый город восьмидесятых годов, и я, как гость из будущего, с электронной флешкой, получаю сервис будущего в прошлом. Сейчас это прошлое пришло в моё настоящее и пытается поглотить его. Хорошо, что у меня в кармане обратный билет на поезд через 3 часа. Пусть консервы остаются в музее, а я поеду снимать свои ролики о пылесосах и кофеварках, подальше от запуска ракет и других великих планов.

Ход вещей

Крематорий, городское кладбище. Прогрессивное место для исчезновения тела – без гробов и могил, просто урна.

Когда хоронили папу, я не помню, была маленькой. Маму помню как хоронили: было много людей, большой зал. Потом я приезжала к маме, когда хотелось сильно пожаловаться или что-то попросить. Мамина урна в стене. Однажды, на мою просьбу букет с жёлтыми цветами полетел в меня обратно. Я отметила мамино возмущение – тогда было чему возмущаться. Папина урна в другом месте, в земле, всегда полчаса уходило, чтобы её найти. Папу совсем не помню: мне было 6 лет, а папе 46. Лыжня, инфаркт, смерть. Мама не ходила в крематорий и меня не водила. Мама не простила папе смерть и себе не простила, поэтому через 10 лет с рецидивом рака последовала за ним.

После маминой смерти прошло почти 40 лет. И тут странный звонок от брата, хочет спросить у меня разрешения. Я насторожилась: что, интересно, я могу ему запретить? Предлагает забрать из крематория наших родителей и похоронить их вместе. Говорит, присмотрел кладбище и хочет навещать могилы. Я немного обалдела от такой свободы мысли. Подумала секунду и ответила... Я не против.

Помню серое ноябрьское утро. Я плетусь через парковку машин на работу.

В голове вертится мысль про мягкую игрушку, которую я связала в ковид. Она так криво получилась, что зовём мы её Ковидик. Муж говорит, что Ковидик – шерсть.

И вот я плетусь по лужам и перебираю в сонной голове образы. Говорю себе: Ковидик – шерсть, мама – прах. И тут мне становится так обидно за маму, что она в этой дурацкой урне и в этом ужасном месте с названием крематорий. И в эту секунду я оступаюсь и падаю в лужу. Сумка улетает, рассыпаются вещи. Я вылезая на поребрик с разбитой коленкой, сижу и плачу. Ну что, думаю, я могу сделать для мамы? Всё однажды пошло не так – такой ход вещей.

Брат живёт иначе, не так как я. Ему через 40 лет пришла в голову такая же мысль, а действие – другое. Поэтому я говорю ему, что согласна, а внутри удивляюсь: а что, так можно?

И вот мы с братом в крематории. Процедура непрозрачна, называется «выемка».

То есть можно забрать урну, но нельзя. Брат оформил все справки и заплатил агенту, который знает, как можно то, что нельзя. Агент – приятный молодой человек, общается деликатно. Люди на кладбище большей частью расстроены, к ним нужен особый подход. Из стены урну легко вынуть – пара ударов по табличке. А вот землю пришлось копать долго: корни и всё такое. Брат положил две урны себе в рюкзак, и я довезла его обратно до работы. Ощущение радостное – забрали родителей из плохого места.

Похоронили урны в земле, рядом друг с другом. Кругом лес, сосны.

Брат шепнул мне, что прах родителей немного перемешал – они так сильно друг друга любили и теперь будут вместе. Выбираем памятник, прямо как приличные взрослые дети. Индуисты говорят, что дети нужны, чтобы совершать поминальные обряды. И мы добрались, не прошло и 40 лет.

Бессонница

Каждый день я хочу выйти из этой двери,
Но иногда я забываю об этом.
Что мешает мне сделать шаги?
Что мешает мне выйти на воздух из искусственного дома дел
и занятий?
Глупая привычка, даже не страх.

Ночью меня будят тревожные мысли,
Я вижу пачки документов на столе, несданную отчетность
и потерянный бизнес.
Ночью проблема вырастает, как дом.
Можно только спрятаться в ванной, где вода горячее тела,
Утром я плачу от собственной беспомощности.
Я знаю, что это не та проблема, которая мучит меня.
Мозг занимается подменой, но меня не проведи.

Комедия дель арте

Картина первая

Клиника «Вечная жизнь». Офис. Круглый стол. Персонажи собрались на планёрку.

В центре стола – важный Панталоне. Рядом расстроенный Пьеро, Арлекино подкидывает кубик. Два кресла свободны. Коломбина смотрит в отчёт.

Коломбина:

Итак, не будем дольше ждать. Кто опоздал, тому неинтересно, и нам неинтересен он. Доклад такой: немного общих цифр, немного о финансах и вопросы, которые нам нужно обсудить.

Для десяти клиентов мы открыли ворота в вечность, им больше не страшны ни старость, ни болезни. Их завещания на письменном столе: поля, дома, квартиры... и корова. Доход наш приумножен в десять раз. Маржа растёт, косты без изменений. Кредиты погасили, и суды все выиграны. Проблема лишь с коровой, об этом нам расскажет Арлекино.

Арлекино:

Корова рыжая и белое пятно. Клиентка завещала нам корову. Корова не простая – в завещании указано: животное священо. Тогда никто не обратил внимания. Что делать с ней, нам надо обсудить (подкидывает кубик и роняет его на пол).

Панталоне:

Ты нас за идиотов, видно, держишь? Зачем нам обсуждать с тобой корову? Ты странно выглядишь и кубик подними. Какие игры за столом – сосредоточься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.